

Сухобок Т.В. Влияние зарубежных учений о социальных правах на российскую политико-правовую мысль начала XX века. DOI 10.17506/26867206_2022_22_4_91 // Антиноми. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 91–109.

УДК 342

DOI 10.17506/26867206_2022_22_4_91

Влияние зарубежных учений о социальных правах на российскую политико-правовую мысль начала XX века

Татьяна Владимировна Сухобок

Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта

г. Калининград, Россия

E-mail: sukhobok94@mail.ru

*Поступила в редакцию 12.05.2022, поступила после рецензирования 28.07.2022,
принята к публикации 23.08.2022*

Статья посвящена изучению проблемы влияния зарубежных учений о социальных правах на российскую политико-правовую мысль начала XX в. Анализируется соотношение принципов правового и социального государства в концепциях российских дореволюционных юристов, исследуется дискуссия о праве на достойное существование в российской юридической науке начала XX в., выявляются предпосылки и специфика формирования социальных идей в отечественной правовой мысли начала XX в., а также особенности влияния на их возникновение западноевропейских учений о социальных правах. Применяя в ходе исследования сравнительно-исторический, сравнительно-правовой, формально-юридический методы и методы юридической герменевтики, автор приходит к выводу о том, что российскими политико-правовыми взглядами начала XX в. были сформулированы оригинальные

© Сухобок Т.В., 2022

концепции социального правового государства и права человека на достойное существование, в центре которых выступал принцип социальной справедливости.

Ключевые слова: социальные права, концепции социальных прав, политико-правовая мысль, правовое и социальное государство, правовая реальность, общественное развитие, капитализм, юридическая наука

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке БФУ им. И. Канта в рамках научного проекта № 2358. (Соглашение о сотрудничестве по реализации проекта № 2358, договор № 2021-2652 на выполнение работ с исполнителем проекта.)

The Influence of Social Rights' Foreign Teachings on the Russian Political and Legal Thought at the Beginning of the 20th Century

Tatyana V. Sukhobok

Immanuel Kant Baltic Federal University

Kaliningrad, Russia

E-mail: sukhobok94@mail.ru

Received 12.05.2022, revised 28.07.2022, accepted 23.08.2022

Abstract. The majority of pre-revolutionary lawyers, despite the differences between them on the legal nature of social rights and the need for their recognition at the constitutional level, advocated an evolutionary path of social development. They considered the formation of capitalist relations as a natural and inevitable process that should be comprehended without falling into the extremes of utopian socialism. However, they noted the negative consequences of capitalism. In this regard, the study and analysis of the formation of social ideas in the legal thought of the beginning of twentieth century is of particular importance. In the article, the problem of the relationship between the principles of the rule of law and the social state in the concepts of Russian pre-revolutionary lawyers, the discussion in Russian legal science about the right to a worthy existence, and prerequisites and features of the formation of social ideas in the domestic legal thought in the context of influence of social rights' foreign doctrines are considered. The author studies this issue using comparative historical, comparative legal, formal legal methods, as well as legal hermeneutics. The analysis proves that in the Russian political and legal thought of the early twentieth century, original concepts of a social legal state and the right to a worthy existence were formed.

Keywords: social rights; concepts of social rights; political and legal thought; legal and social state; legal reality; community development; capitalism; legal science

Acknowledgements: The research was carried out with the financial support of the I. Kant BFU within the framework of scientific project No. 2358. (Cooperation Agreement on the implementation of project No. 2358, Contract No. 2021-2652 for the execution of works with the project executor.)

For citation: Sukhobok T.V. The Influence of Social Rights' Foreign Teachings on the Russian Political and Legal Thought at the Beginning of the 20th Century, *Antinomies*, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 91-109. (in Russ.). DOI 10.17506/26867206_2022_22_4_91.

Введение. Большинство российских дореволюционных юристов, несмотря на расхождения по вопросам о юридической природе социальных прав и необходимости их признания на конституционном уровне, выступали за эволюционный путь общественного развития. Они рассматривали становление капиталистических отношений как естественный и неизбежный процесс, который следует осмысливать, не впадая в крайности утопического социализма. Вместе с тем они отмечали негативные последствия капитализма. В настоящий момент произошедшие глубокие изменения социальной политики в нашей стране, ее все большая направленность на человека, и происходящие одновременно с этим, негативные процессы в области социальной политики государств западной Европы делают проблему изучения влияния зарубежных учений о социальных правах на российскую политико-правовую мысль начала XX века крайне актуальной и востребованной.

В Российской империи законодательное признание основных прав и свобод всех подданных произошло только в начале XX в., когда во многих европейских странах декларации и конституционные акты уже на протяжении десятилетий ограничивали государственную власть в интересах обеспечения свободы личности. Более того, соответствующие положения Манифеста 17 октября 1905 г. «Об усовершенствовании государственного порядка» и Основных государственных законов от 23 апреля 1906 г. воспринимались разными слоями общества как вынужденная реакция правительства на революционные выступления народных масс. Поэтому дореволюционный этап становления российского конституционализма сравнивается некоторыми исследователями с радикальными преобразованиями – поименованные *конституционными революциями* – в Персии (1905–1911) и Оттоманской империи (1908) (Moniz Bandeira 2017: 54; Sohrabi 1995: 1397-1399). Отставание от ряда передовых стран компенсировалось активным изучением их опыта российскими юристами, которые на данном материале разрабатывали оригинальные политико-правовые концепции. При этом они обращали внимание на то, что зарубежные коллеги часто занимали критические позиции по отношению к теориям правового государства XIX в. Причина заключалась в начавшемся тогда кризисе либеральной демократии, выдвинувшем на первый план задачу преодоления классовых противоречий, характерных для индустриального общества (Kurzman 2008: 304). Таким образом, российским дореволюционным юристам предстояло решить сложную задачу – в условиях формирования дуалистической монархии, после провозглашения личных и политических прав и свобод подданных, оценить перспективы новой модели социальной государственности и связанных с ней социальных прав.

Подчеркнем, что большинство дореволюционных юристов выступали за эволюционный путь общественного развития (Chamberlin 1967: 146-148;

Rosenberg 2019: 323-326; Shelokhaev 2004: 29; Treadgold 1951: 88; Tumanova 2016: 794-795). Вместе с тем они отмечали негативные последствия капитализма, особенно наглядно проявившиеся в специфическом социально-политическом контексте Российской империи начала XX в., но полагали, что их можно преодолеть посредством реформ, нацеленных на повышение благосостояния и уровня правовой культуры общества (Tissier 2007: 188; Walicki 1987: 342). Поэтому особое место в работах дореволюционных российских юристов, критически осмысливших, подобно зарубежным правоведом (Л. Дюги, Г. Еллинек, А. Менгер), опыт перехода обществ от феодализма к капитализму, а государств – от абсолютизма к конституционализму, отводится *социальному вопросу*.

Исследование влияния зарубежных учений о социальных правах на российскую политико-правовую мысль начала XX в. позволяет обнаружить преемственность в развитии идей, категорий и понятий. Например, анализ концептуальных и нормативных предпосылок социального государства в тот период предполагал определение понятия права на достойное существование. Одним из первых его разрабатывает австрийский юрист А. Менгер, который включает право на достойное существование в систему экономических прав, обеспечивающих защиту интересов трудящихся (Claeys 2015: 212). Он относит к ним права на полный продукт труда, существование и труд. Право на существование рассматривается как требование жизненно необходимых благ и услуг, удовлетворяемое государством исходя из имеющихся ресурсов, но в любом случае до удовлетворения менее насущных потребностей. Право на труд, по мнению А. Менгера, также является требованием, предъявляемым государству трудоспособным гражданином, который нуждается в «обычной работе» и «обычной поденной заработной плате» (Menger 1891: 128-130, здесь и далее перевод наш. – Т. С.). Такой подход получил широкую поддержку российских дореволюционных юристов, прежде всего представителей школы «возрожденного естественного права» (В.М. Гессен, Б.А. Кистяковский, П.И. Новгородцев), творчески переосмысливших его применительно к конкретным политическим и экономическим условиям Российской империи 1905–1917 гг.

В данной статье влияние зарубежных концепций социальных прав на формирование соответствующих политико-правовых учений в России начала XX в. рассматривается с двух позиций. Во-первых, анализируется проблема соотношения принципов правового государства и социального государства. Она включается в более широкую проблематику эволюции представлений о справедливости периода кризиса либеральной идеологии *laissez-faire* (то есть существенного ограничения государственного регулирования экономики) и перехода капиталистических обществ к империализму. Для этого периода, как утверждает А.М. Оноре, характерно смещение центра тяжести в понимании справедливости «с личных отношений к социальной справедливости» (Honore 1968: 74-75). Во-вторых, исследуются основные аргументы участников дискуссии, развернувшейся в российской дореволюционной юридической науке после перевода работ А. Менгера, посвященных праву на достойное существование: «Гражданское право

и неимущие классы населения», «Завоевание рабочим его прав. Право на полный продукт труда в историческом изложении», «Новое учение о государстве» и др. Подчеркнем, что в ходе этой дискуссии, одним из ярких эпизодов которой является спор П.И. Новгородцева и И.А. Покровского, актуализируются такие взаимосвязанные аспекты справедливости, как индивидуалистический и коллективистический, содержательный и формальный, морально-этический и юридический.

Проблема соотношения принципов правового и социального государства в концепциях российских дореволюционных юристов. Переход от абсолютизма к конституционной монархии, начавшийся в 1905–1906 гг., дореволюционные российские юристы оценивали по-разному. Некоторые, как Ф.Ф. Кокошкин, называли его освободительным движением и сравнивали с западноевропейской либеральной демократией. В то же время Б.А. Кистяковский обращал внимание на низкий уровень правовой культуры всех сословий, препятствовавший укоренению ценности прав человека. Если одни юристы отмечали прогресс в развитии политико-правовых институтов Российской империи начала XX в. (*формально-юридический подход*), то другие предупреждали о последствиях несоответствия менталитету основной массы населения учреждаемых сверху институтов (*социологический подход*). Так, Ф.Ф. Кокошкин полагал, что демократические реформы в России могут служить примером для Австрии, Китая, Персии, Турции и Черногории. Напротив, Б.А. Кистяковский констатировал, что даже образованная часть общества «не была знакома ни с имперским правом, которое она считала своим долгом ненавидеть, как и создавший его деспотизм, ни с идеей формальных свобод, презираемой интеллигенцией во имя реализма». На наш взгляд, более взвешанным следует признать социологический подход к оценке процесса формирования конституционного государства в Российской империи начала XX в., поскольку его представители учитывали конкретные исторические условия, в которых происходило развитие данного процесса, и общемировые тенденции кризиса либерализма. Обращение к фактам общественной жизни позволило им установить ограниченность либеральной концепции правового государства, отдающей приоритет индивидуальной свободе и формальному равенству в ущерб признанию юридической природы социальных прав.

Заметим, что либеральные концепции правового государства XIX в. основываются на постулатах первичности автономии личности и вторичности общего блага. Как утверждает немецкий историк права Э.Р. Хубер, «реальный сущностный признак правового государства эпохи буржуазного общества» состоит в защите личности и обеспечении ее «свободного, самостоятельного, осмысленного развития» (Huber 1965: 199). Поэтому Р. Гнейст, Х. фон Зигварт, Р. фон Моль, Ф. Шталь называют формальные ограничения государственного вмешательства в сферу осуществления гражданских прав и свобод одним из обязательных условий формирования правового государства. Положения их концепций отражают результат борьбы буржуазного общества с феодально-абсолютистской монархией, который заключается в формальном признании государством ценности жизни, свободы, частной

собственности и в целом – «свободной организации общественного бытия» (Huber 1965: 250-253). При этом в либеральных концепциях правового государства XIX в. центральное место занимает формальный, а не материальный аспект новых типов общественного и государственного устройства, что отчасти объясняется влиянием на взгляды юристов того времени моральной философии И. Канта.

Действительно, в «Метафизике нравов» право, определяется как «совокупность условий, при которых произволение (произвол. – Т. С.) одного [лица] совместим с произволением (произволом. – Т. С.) другого с точки зрения всеобщего закона свободы» (Кант 1994: 253). Иными словами, сфера индивидуальной свободы ограничивается правовыми рамками, касающимися только внешней стороны общественных отношений. В определении права, предлагаемом И. Кантом, не учитываются цели, которые преследуют индивиды, вступившие в «отношения двустороннего произволения», который И. Кант рассматривал с позиции формального подхода «исключительно как *свободный*» (Кант 1994: 253). По этой логике государство, подобно отношениям между индивидами, должно принять правовую форму, чтобы получили признание и защиту ценности буржуазного общества, а также обеспечивалась свободная организация общественного бытия. Таким образом, материальный аспект правового государства уходит на второй план, что, в свою очередь, обуславливает понимание прав человека преимущественно в их негативном значении, предполагающем обязанность органов государственной власти и должностных лиц воздерживаться от произвольного вмешательства в частную жизнь индивида.

Критикуя проводимое И. Кантом различие между правом и моралью, сторонники либеральных концепций правового государства XIX в. однако используют разработанный им формальный подход к определению и классификации основных прав личности. В соответствии с этим подходом они устанавливают тесную взаимосвязь между понятиями свободы, равенства и справедливости, но ограничиваются рассмотрением концептов *негативной* свободы, *формального* равенства и *рациональной* справедливости, основанной на общественном договоре. Подчеркнем, что рациональность справедливости, согласно либеральным мыслителям, вдохновленным кантовской философией права, предполагает возможность отказа индивида от участия в общественной жизни, если данное участие не соответствует его интересам. Следовательно, общество должно оправдывать свое существование в глазах рациональных индивидов, мотивируя их к включению в социальные практики посредством признания и защиты таких ценностей, как жизнь, свобода и частная собственность. Иными словами, общественный договор только тогда выполняет мотивирующую функцию, когда индивидуальные интересы ставятся выше общественных и обеспечиваются правовыми средствами, прежде всего гарантиями личной свободы, понимаемыми как гарантии от государственного произвола. Поэтому еще в конце XIX в. один из основоположников социологической теории права Н.М. Коркунов утверждал, что ограничение власти правом, прогрессирующее вместе с прогрессом общественной жизни, «есть несомненный исторический факт» (Коркунов 2010:

341). Однако уже к тому времени стали очевидны серьезные недостатки классических либеральных концепций правового государства и связанных с ними концепций прав и свобод личности.

Постулаты первичности индивидуальных интересов и вторичности общего блага, а также автономно-этическая теория рациональной справедливости, получая нормативное выражение, приводили к обострению классовых противоречий и росту эгоистических настроений в буржуазном обществе. Так, отражая результат его борьбы с абсолютизмом, либеральные концепции правового государства требовали ограничения государственного влияния на общественные отношения. Таким образом, свободные и рациональные индивиды оказывались предоставленными самим себе в условиях жесткой конкуренции со всеми вытекающими отсюда последствиями. Во второй половине XIX в. Р. фон Иеринг предпринимает попытку выхода за узкие рамки автономно-этического учения о рациональной справедливости, которое свело проблему справедливости к отношениям между личностью и государством. Он противопоставляет «индивидуалистической теории собственности», отстаивающей «право абсолютного распоряжения» собственником принадлежащим ему имуществом, «общественную теорию собственности», включающую в себя принцип обоюдного удовлетворения интересов индивида и общества. При этом в иерархии ценностей, защищаемых правом, немецкий юрист ставит справедливость, выражающую общий интерес, выше свободы (Jhering 1913: 302).

Следует признать, что формально-юридический подход к определению и классификации индивидуальных прав и свобод все-таки оказал влияние на формирование взглядов Рудольфа фон Иеринга, что особенно заметно, когда понятия свободы и равенства интерпретируются им в качестве структурных элементов концепта справедливости (Hofmann 2009: 323-325). В то же время критика Р. фон Иерингом либеральных концепций правового государства, содержащих идеи приоритета частных интересов над общими, рациональной справедливости, формального равенства и государственного невмешательства в сферу свободы личности, получила признание дореволюционных российских юристов. Она послужила отправной точкой для социологической разработки концепции права с целью изучения социальной природы (Ю.С. Гамбаров, Н.А. Гредескул, М.М. Ковалевский, Н.М. Коркунов, С.А. Муромцев). Так, Н.М. Коркунов, высоко оценивая концепцию, изложенную в работе Р. фон Иеринга «Борьба за право», подчеркивает необходимость выработки на ее основе нового подхода к изучению процесса развития права. Российский правовед отмечает, что в действительности право представляет собой «плод борьбы разнообразных общественных интересов», а не результат «естественного роста», как полагали представители исторической школы права (Коркунов 2010: 176). Однако при этом он отказывается признавать право «всцело продуктом сознательной деятельности, сознательной борьбы» (Коркунов 2010: 176), поскольку обычаи как источники права, возникая произвольно, только со временем становятся правовыми. Но даже с такой существенной оговоркой концепция происхождения и развития права Н.М. Коркунова во многом опирается на идеи

Р. фон Иеринга, которые позволяют обосновать по мнению Иеринга замену устаревших норм на сознательно выработанные и более соответствующие современным условиям жизни, а также более справедливыми юридическими нормами, открывая возможности для социальных реформ. Развивая эту мысль, С.А. Муромцев обращает особое внимание на то, что параллельно борьбе в сфере юридических норм (объективное право) «происходит борьба в сфере правовых отношений (субъективное право)», причем ее энергия «выражает силу интересов, лежащих в основе правовых отношений» (Муромцев 2004: 533). Поэтому, согласно автору фундаментальной работы «Определение и основное разделение права», ценность учения Р. фон Иеринга заключается прежде всего в том, что немецкий юрист правильно определяет «отношение, в котором состоит право к другим явлениям социальной жизни»: «право относится к потребностям этой жизни как средство к цели» (Муромцев 2004: 534). По сути, правовые нормы отражают борьбу интересов и являются результатом столкновения идей, в том числе представлений о справедливости, которые эволюционируют вместе с обществом.

Вместе с тем во второй половине XIX в. становится очевидным, что понятие правового государства не должно исчерпываться «формальными, техническими и институциональными характеристиками», поскольку свобода индивида «не является самоцелью» (Huber 1965: 269). Если формальная законность по-прежнему рассматривается многими юристами того времени как наиболее эффективная гарантия неприкосновенности жизни, свободы и собственности, то сами эти ценности уже воспринимаются в качестве вспомогательных для реализации в конкретных условиях высшей ценности – достоинства личности. Таким образом, критика Р. фон Иерингом рациональных концепций правового государства позволила установить их искусственный характер, оторванность от реальности, которую предстояло преодолеть социологической школе права. Но она ограничивается преимущественно формальным противопоставлением индивидуальных и общественных интересов и поиском компромисса между ними, упрощая проблематику защиты личности. Между тем в индустриальном обществе обнаруживаются препятствия для личностного развития, связанные не только с государственным вмешательством в сферу частной жизни индивида или ростом эгоистических настроений, но и с жесткой конкуренцией за ресурсы. Меняются представления юристов о справедливости, вследствие чего формируются новые концепции правового государства, принимающие во внимание недостатки рационалистического либерализма, к числу сторонников которого можно отнести, например, Б.Н. Чичерина (Hamburg 1992: 143-144). Согласно этим концепциям, активное участие государства в обеспечении «свободного, самостоятельного, осмысленного развития личности» рассматривается как важное условие становления правовой государственности, предоставляющей личности защиту от «обесценивания роли и достоинства индивидуального бытия» (Huber 1965: 271).

Одним из основоположников нового научного направления становится Г. Еллинек, разработавший оригинальное учение о субъективных публичных

правах. Он выделяет в структуре субъективного права *формальную* (воля) и *материальную* (интерес) стороны, по сути, объединяя подходы И. Канта и Р. фон Иеринга к определению центральных компонентов права. В результате субъективное право понимается им в качестве «признаваемой и защищаемой правовым порядком волевой мощи человека, которая направлена на благо или интерес» (Jellinek 2011: 266). При этом австро-немецкий юрист проводит различие между субъективными частными и публичными правами в зависимости от того, кому адресованы индивидуальные притязания: другим индивидам или государству. Во втором случае речь идет о предоставлении индивиду тех благ, которые он не может добыть самостоятельно. Подчеркнем, что, по мнению Г. Еллинека, только субъективные публичные права являются неотчуждаемыми и непередаваемыми, поскольку они основаны на взаимоотношениях личности и государства (Kelly 2004: 320-324; Lepsius 2019: 18-21). Примечательна их классификация, проводимая автором «Системы субъективных публичных прав», критерием которой служит динамический аспект указанных взаимоотношений: 1) права личности на свободу от произвола государственной власти; 2) права личности на положительные действия со стороны государства в ее интересах; 3) права личности на участие в управлении государством. К первой группе относятся, например, неприкосновенность личности и жилища, свободы передвижения, совести, слова, печати и собраний. Ко второй, – право на государственную защиту законных интересов личности, прежде всего судом. К третьей группе, – избирательные и иные политические права.

Опираясь на идеи Г. Еллинека, российские дореволюционные юристы разработали собственные классификации субъективных публичных прав. Так, Ф.В. Тарановский тоже подразделяет их на три группы: 1) права на участие во власти; 2) права на свободу от власти; 3) права на содействие власти. В первую группу он включает избирательные права граждан и права органов народного представительства, во вторую – гражданские права, признание и защита которых позволяют реализовать духовные и материальные интересы (например, свобода вероисповедания, неприкосновенность жилища). Особо следует выделить последнюю группу, поскольку к ней относятся права, непосредственно связанные с активизацией роли государства в социальной, экономической и культурной сферах жизни индустриального общества. Более того, Ф.В. Тарановский перечисляет субъективные публичные права именно в такой последовательности, отличающейся от классификации Г. Еллинека, но соответствующей этапам эволюции правового статуса личности (Тарановский 1923: 239). Тем не менее в обеих классификациях субъективные публичные права рассматриваются как *притязания* личности, то есть ее позитивные права, которым соответствуют обязанности государства предоставить конкретные блага, что сближает концепции Г. Еллинека и Ф.В. Тарановского с учением А. Менгера о праве на достойное существование. Однако, в отличие от А. Менгера, Ф.В. Тарановский сомневается в юридической природе данного права.

Основные аргументы Ф.В. Тарановского сводятся к следующему. Во-первых, он характеризует государственное управление конца XIX – начала XX в.

как развивающееся в духе социальной политики, что, в свою очередь, обусловливает расширение объема и содержания субъективных прав на содействие власти. Так, государством признаются права на защиту труда от эксплуатации работодателем, образование, признание бедных и т.д. Основная задача социальной политики, по мнению Ф.В. Тарановского, заключается в «устранении острых социальных конфликтов» и «поддержании элементов социально слабых при свободе конкуренции» (Тарановский 1923: 245). Применяя конкретные меры, нацеленные на предотвращение, устранение или смягчение негативных последствий развития капиталистического общества, государство адекватно реагирует на возникающие проблемы. Разумеется, от их успешного решения в конечном счете выигрывают индивиды, но отсюда не следует, что появляется новое субъективное публичное право. Корректнее рассматривать так называемое право на существование в качестве рефлекса односторонней обязанности, принимаемой на себя государством в постоянно изменяющихся социально-экономических и политических условиях.

Во-вторых, Ф.В. Тарановский обращает внимание на юридическую технику, применяемую при конституционном закреплении социальных прав. Показательно, что даже посвященные направлениям социальной политики государства положения ст. 163 Веймарской конституции 1919 г., подводившей своеобразный итог развитию учений о социальных правах конца XIX – начала XX в., носят явно декларативный характер. Несмотря на то, что законодатель провозглашает обязанность государства предоставить каждому немцу возможность добывать пропитание экономической деятельностью, а также, «если не существует возможности предоставить подходящую работу», гарантирует каждому гражданину необходимую поддержку, остается открытым вопрос о том, какой орган государственной власти должен обеспечить реализацию данных конституционных положений. Подобный аргумент встречается в работах либерального мыслителя прошлого века Ф. фон Хайека, который развивает концепцию общества как сложившегося стихийно рыночного порядка. Он утверждает, что социально-экономические права несовместимы со «старыми гражданскими правами», поскольку за их признанием должно следовать решение вопросов, связанных с обеспечением осуществления новых позитивных прав. В результате принятия политических решений членам общества «придется делать то, что им велят», и либеральное правовое государство перестанет существовать (Науек 2012: 220). Следовательно, альтернативой такому положению вещей может быть только *декларативное* конституционное признание права на достойное существование.

Вопрос об убедительности аргументов Ф.В. Тарановского необходимо рассматривать в контексте дискуссии о праве на достойное существование, которая развернулась в начале XX в. между представителями различных школ и направлений российской юридической науки. Однако перед ее анализом следует отметить, что в ходе дискуссии на концептуальном уровне обнаруживается сближение принципов правового и социального государства. Под влиянием критики либеральной концепции правовой

государственности рядом зарубежных ученых (Г. Еллинек, Р. фон Иеринг, А. Менгер) российские дореволюционные юристы изучают возможности нормативного выражения идеи реальной, а не рациональной справедливости. Она рассматривается ими в качестве *социальной справедливости*, которая обусловлена диалектической взаимосвязью интересов и всегда имеет конкретно-историческое содержание. Соответственно, учения о социальных правах разрабатываются российскими дореволюционными юристами в рамках комплексной концепции *социального правового государства*, ориентированной на реализацию в индустриальном обществе переходного типа. В частности, Б.А. Кистяковский, опираясь, как и Ф.В. Тарановский, на теорию Г. Еллинека, подразделяет субъективные права на следующие группы: 1) права, непосредственно связанные со свободой личности от государства (неприкосновенность личности, жилища, свобода совести и др.); 2) права на положительные услуги со стороны государства (права на труд, образование, судебную защиту и др.); 3) права на участие в управлении государством (активное и пассивное избирательные права, право петиций и др.). При этом, анализируя природу прав, отнесенных ко второй группе, Б.А. Кистяковский разрабатывает оригинальную концепцию социалистического государства как высшей стадии развития правового государства, на которой должно произойти расширение сферы индивидуальной свободы за счет добавления к перечню прав и свобод XVIII–XIX вв. новых гарантированных и обеспеченных государством возможностей для всестороннего развития личности. Они включаются в понятие права на достойное человеческое существование (Кистяковский 2010: 543–545). Таким образом, отталкиваясь от теорий ведущих зарубежных ученых второй половины XIX – начала XX в., преимущественно ориентировавшихся на действующее законодательство и критиковавших устаревший формально-юридический подход к описанию принципов правового государства, отечественные правоведы формулируют нормативные требования к условиям жизнедеятельности человека в эпоху перехода капиталистических обществ к империализму и намечают основные направления правовой политики государства в социальной сфере.

Дискуссия в российской юридической науке начала XX века о праве на достойное существование. Российские дореволюционные юристы, прежде всего представители двух научных школ – «возрожденного естественного права» и социологической, рассматривают право на достойное существование как выражение новой функции государства, направленной на регулирование материальных условий осуществления свободы личности. При этом они предполагают, что данная функция дополняет исторически и логически предшествовавшую ей функцию защиты индивидуальных прав и свобод. Например, по утверждению С.А. Котляревского, индивид, будущий гражданин государства, обладает естественным правом на удовлетворение государством его потребностей. Поэтому государство обязано создавать индивидам достойные условия жизни, поддерживая их в борьбе за существование. Вместе с тем С.А. Котляревский указывает на трудности, с которыми сталкиваются государства, включающие социальные права в декларации и

конституции или закрепляющие их на уровне так называемого рабочего законодательства. В качестве примера он приводит опыт провозглашения права на труд французским Национальным конвентом (1792–1795) и Второй республикой (1848–1852), подчеркивая, что при отсутствии «крайне сложной экономической организации», а также «известного уровня производительных сил страны» такое провозглашение «превращается в благое пожелание» (Котляревский 2004: 222). Согласно С.А. Котляревскому, «едва ли логично и практически полезно» расширять перечень содержащихся в законодательстве прав и свобод, добавляя к ним социальные права, несмотря на связь постулата социальной морали с идеей естественного права и близость многих принципов социализма целям либеральных деклараций (Котляревский 2004: 222).

По мнению Б.А. Кистяковского, работы которого получили признание зарубежных ученых первой половины прошлого века, в результате изъятия средств производства из гражданско-правового оборота и их превращения в общенародное достояние образуется группа прав на положительные услуги со стороны государства. Такие права включаются в структуру положительного публично-правового статуса личности и составляют субъективное публичное право на достойное существование. К ним относятся права на труд, развитие способностей и талантов, свободное распоряжение своими способностями к труду и т.д. Подчеркнем, что Б.А. Кистяковский рассматривает право на достойное существование в качестве выражения стремления к экономической свободе, посредством которой индивид может также обрести другие свободы – духовную и общественную. В полной мере эти устремления, согласно автору фундаментальной работы «Социальные науки и право», реализуются только при условии построения социалистического государства, понимаемого им как социальное правовое государство (Кистяковский 2010: 340).

Примечательно, что в более поздней концепции С.И. Гессена, основные положения которой представлены в его трудах, посвященных проблемам правового государства, социализма и социального права, содержание понятия права на достойное существование шире, чем у Б.А. Кистяковского и С.А. Котляревского. Гессен утверждает, что равенство в экономической области предполагает, помимо равноправия, право на поддержку государством, если конкуренция за ресурсы приводит к господству одних индивидов над другими. Следовательно, государство обязано нормативно закреплять и гарантировать права на образование, труд и вспоможение, а также обеспечивать правовой характер экономической конкуренции и ограничивать монополистическую деятельность (Walicki 1987: 306-308). Однако, в отличие от Б.А. Кистяковского и С.А. Котляревского, С.И. Гессен не включает право на достойное существование в систему субъективных публичных прав, поскольку оно не относится к позитивным правам, как, например, право на судебную защиту. Автор работы «Правовое государство и социализм», признавая тесную взаимосвязь права на достойное существование и экономических отношений (что сближает его концепцию с теорией социального правового государства Б.А. Кистяковского), в конечном счете рас-

смачивает понятие права на достойное существование как собирательное, обозначающее множество притязаний, направленных на получение индивидом материальных благ.

Разумеется, не все российские дореволюционные юристы признавали научный характер понятия права на достойное существование. Объяснение такому подходу можно найти в «Общей теории права» Г.Ф. Шершеневича, который ссылается на учения ряда зарубежных юристов, отрицающих само существование субъективного права. Так, Л. Дюги заявляет о необходимости устранить из юридической науки и практики «метафизическое представление о субъективном праве» (Duguit 1908: 124). Впрочем, в своем фундаментальном учебнике конституционного права он проводит различие между объективным и субъективным правом, подчеркивая, что последнее представляет собой возможность получения индивидом общественного признания «желаемого результата, если преследуемая цель и мотив поведения признаются законными объективным правом» (Duguit 2007: 305). Поэтому следует согласиться с мнением Г.Ф. Шершеневича о том, что и подобное отрицание субъективного права является лишь критикой терминологии. Вместе с тем адепты юридического позитивизма в российской науке конца XIX – начала XX в. в целом скептически относятся к признанию юридической природы субъективных прав, особенно публичных. Например, Г.Ф. Шершеневич, вопреки представлениям сторонников естественно-правовых учений, полагает, что логически и исторически объективное право предшествует субъективному праву, которое он определяет как власть, обеспеченную и ограниченную объективным правом. При этом даже такое узкое толкование понятия «субъективное право» он ограничивает сферой регулирования частноправовых отношений, поскольку государство, преследуя собственные интересы, не может юридически ограничить себя. Таким образом, с точки зрения позитивистских концепций субъективные публичные права должны рассматриваться только в качестве «рефлексивного действия выполняемых агентом власти обязанностей» (Шершеневич 2016: 535).

Однако при подробном рассмотрении идей цитируемого Г.Ф. Шершеневичем Л. Дюги можно заметить, что они оказали значительное влияние на развитие представлений российских дореволюционных ученых о правовом регулировании социально-экономических отношений. Так, по мнению М.М. Ковалевского, французский юрист, переосмысливая концепции О. Конта и Э. Дюркгейма в духе новой теории солидаризма, стремится «показать, что нет коллективного интереса, противоположного индивидуальному», и предлагает понятие свободы, «которая является не субъективным правом, но следствием налагаемой на каждого человека обязанности развивать возможно полнее свою индивидуальность». При этом под индивидуальностью понимается физическая, интеллектуальная и моральная деятельность индивида, позволяющая ему «возможно лучше способствовать общественной солидарности» (Ковалевский 1991: 279). Исходя из задачи создания необходимых условий для развития индивидуальности и укрепления солидарности, Л. Дюги полагает, что государство должно обеспечить

каждому минимальный уровень бесплатного образования, а также гарантировать право на труд и предоставить средства для существования нетрудоспособным лицам. В то же время декан юридического факультета Университета Бордо выступает против чрезмерного регулирования государством социально-экономической жизни, поскольку реализация «коллективистских доктрин» может привести к возникновению «чудовищной власти» и уничтожению индивидуальной свободы (Duguit 1908: 40-41). Такая теория социальной политики государства, избегающая крайностей либерализма и социализма, оказалась востребованной многими российскими учеными в межреволюционный период 1905–1917 гг., поскольку именно солидаризм позволял соединить в одной концепции борьбу за существование, взаимопомощь, активное участие каждого в общественной жизни, не преследуя при этом целей уравнительного социализма и не сводя понятие достойного существования человека исключительно к материальным благам, то есть сохраняя нравственную основу общества.

Особый интерес, на наш взгляд, представляет дискуссия о нормативном закреплении права на достойное существование, развернувшаяся между двумя представителями либерального направления российской дореволюционной юридической науки – философом права П.И. Новгородцевым и цивилистом И.А. Покровским. По мнению П.И. Новгородцева, не следует сводить право на достойное существование к положительному содержанию человеческого идеала – его правильнее рассматривать как «отрицание тех условий, которые совершенно исключают возможность достойной человеческой жизни» (Новгородцев 1911: 4). Кроме того, это право представляет собой новое измерение свободы личности и определяет способ регулирования материальных условий, необходимых для ее достижения. Понимая свободу в более широком смысле, чем в формально-юридическом и отрицательном, П.И. Новгородцев полагает, что в условиях индустриального общества от государства требуется не только устранить препятствия на пути развития свободы личности, но и обеспечить материальные возможности для ее проявления.

Возражая ему, И.А. Покровский приходит к выводу о том, что право на достойное существование представляет собой, по сути, право на выживание, которое предусматривает обязанность государства спасти от голодной смерти всех нуждающихся. Поэтому он предлагает использовать более адекватный анализируемому понятию термин «право на существование», которым нагляднее обозначается необходимость обеспечения определенных условий и потребностей, а именно: «minimum того, что государство... должно обеспечить человеку» (Новгородцев 1911: 35). При таком подходе, согласно И.А. Покровскому, право на существование действительно становится позитивным, поскольку будучи оплаченным обществом наделяет индивида правомочием требовать от государства поддержки в трудной жизненной ситуации. Подчеркнем, что если П.И. Новгородцев рассматривает право на труд фактически как разновидность права на достойное существование, то И.А. Покровский разделяет эти права и связывает положения так называемого рабочего законодательства, включающего в себя

законы о социальном страховании работников и профессиональных союзах, только с правом на труд. Наконец, в концепции П.И. Новгородцева право на достойное существование представляет собой нравственный и юридический принцип, из которого следует необходимость фабричного законодательства и признания социальных прав, тогда как в концепции И.А. Покровского данное право рассматривается независимо от его этического компонента и трактуется как индивидуальное притязание, чисто субъективное право.

На наш взгляд, на концепцию П.И. Новгородцева оказали влияние теории этического минимума Г. Еллинека и В.С. Соловьева. Австро-немецкий юрист в работе «Социально-этическое значение права, неправды, наказания» одним из первых характеризует право как этический минимум, указывая, что оно объективно представляет собой «условия сохранения общества», а субъективно – «минимум нравственной жизнедеятельности и нравственного настроения, требующийся от членов общества» (Kersten 2021: 273). Что касается В.С. Соловьева, то он рассматривает право на достойное существование в контексте религиозно-нравственного учения как естественное, безусловное и неотчуждаемое право личности. Однако следует подчеркнуть, что понятие достойного существования, по мнению российского философа, нетождественно минимальному добру. Речь идет о принципе, который выводится В.С. Соловьевым из общего блага, включающего в себя удовлетворение личных потребностей в должных пределах (Соловьев 2012: 310). Практическим аспектом идеи права на достойное существование в его концепции становится требование проведения социально-экономических реформ, а теоретическим – определение человека в духе моральной философии И. Канта как предмета общей деятельности, но не средства достижения общего блага. В соответствии с таким подходом общество обязано признать и обеспечить право каждого индивида на достойное существование, которое позволит ему удовлетворить материальные потребности и духовно совершенствоваться.

Заключение. Таким образом, в российской политико-правовой мысли начала XX в. формируются оригинальные концепции социального правового государства и права на достойное существование. Представители различных научных школ критически исследуют либеральные учения XIX в. о правах и свободах личности, правовой государственности, пределах осуществления государственной власти, а также о соотношении частных и общих интересов. Ориентиром для них служат работы их современников (Л. Дюги, Г. Еллинек, Р. фон Иеринг, А. Менгер и др.), определявших и классифицировавших права нового поколения – социальные права. Кроме того, российские дореволюционные юристы обращают пристальное внимание на интенсивное развитие так называемого рабочего законодательства и первые опыты закрепления социальных прав на конституционном уровне, по-разному оценивая юридическую технику, применяемую законодателем. Общим для всех концепций социальных прав российских дореволюционных юристов, на наш взгляд, является стремление реализовать принцип социальной, то есть реальной справедливости.

В комплексную концепцию социального права и государства ответственными дореволюционными юристами были включены разработанные ими положения об учениях о социальных правах. Либеральные учения о правах и свободах личности, соотношении частных и личных интересов и государственной власти, предшествующего столетия подвергались резкой критике со стороны представителей различных научных школ. Стремление к реализации принципа социальной справедливости, стало общей идеей и стремлением для всех российских дореволюционных юристов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Кант И. 1994. Метафизика нравов / пер. С.Я. Шейнман-Топштейн, Ц.Г. Арзаканьян // Кант И. Собрание сочинений : в 8 т. Москва : Чоро. Т. 6. С. 224-567.

Кистяковский Б.А. 2010. Избранное. В 2 ч. Ч. 1. Москва: РОССПЭН, 374 с. (Б-ка отечеств. обществ. мысли с древнейших времен до начала XX в.).

Ковалевский М.М. 1991. Взаимоотношение свободы и общественной солидарности // Вехи; Интеллигенция в России : сб. статей. 1909–1910 / сост., коммент. Н. Казаковой. Москва : Мол. гвардия. С. 269-294.

Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права / сост., авт. вступ. ст. и коммент. А.Н. Медушевский. Москва : РОССПЭН, 2010. 520 с. (Б-ка отечеств. обществ. мысли с древнейших времен до начала XX в.).

Котляревский С.А. 2004. Конституционное государство; Юридические предпосылки русских основных законов / под ред. и с предисл. В.А. Томсинова ; МГУ им. М.В. Ломоносова. Юрид. фак. Москва. 392 с.

Муромцев С.А. 2004. Избранные труды по римскому и гражданскому праву. Москва : ЦентрЮрИнфоР. 765 с.

Новгородцев П.И. 1911. О праве на существование : Социально-филос. этюды П.И. Новгородцева, проф. Моск. ун-та и И.А. Покровского, проф. С.-Петербур. ун-та. Санкт-Петербург ; Москва : Т-во М.О. Вольф. 48 с.

Соловьев В.С. 2012. Оправдание добра / отв. ред. О.А. Платонов. Москва : Ин-т рус. цивилизации : Алгоритм. 656 с.

Тарановский Ф.В. 1923. Энциклопедия права. 2-е изд., испр. и доп. [Берлин] : Слово. 439 с.

Шершеневич Г.Ф. 2016. Избранное. В 6 т. Т. 4 включая Общую теорию права / вступ. слово, сост. П.В. Крашенинников. Москва : Статут. 752 с. (Юристы, изменившие право, государство и о-во).

Chamberlin W.H. 1967. The short life of Russian liberalism // The Russian review. Vol. 26, iss. 2. P. 144-152.

Claeys G. 2015. Socialism and the language of rights: the origins and implications of economic rights // Revisiting the origins of human rights / Ed. by P. Slotte, M. Halme-Tuomisaari. Cambridge : Cambridge Univ. Press. P. 206-236.

Duguit L. 1908. Le droit social, le droit individuel et la transformation de l'État: Conférences faites à l'école des hautes études sociales. Paris : Éd. Félix Alcan. 154 p.

Duguit L. 2007. Manuel de droit constitutionnel. Paris : Éditions Panthéon-Assas. 605 p.

Hamburg G.M. 1992. Boris Chicherin & Early Russian liberalism, 1828–1866. Stanford : Stanford Univ. Press. 443 p.

Hayek F.A. 2012. Law, legislation and liberty: a new statement of the liberal principles of justice and political economy. London : Routledge. 584 p.

- Hofmann H. 2009. From Jhering to Radbruch: On the Logic of Traditional Legal Concepts to the Social Theories of Law to the Renewal of Legal Idealism : Ch. 8 // A Treatise of Legal Philosophy and General Jurisprudence / Ed. by E. Pattaro, D. Canale, P. Grossi, H. Hofmann, P. Riley. Dordrecht : Springer. P. 301-354. DOI 10.1007/978-90-481-2964-5_8.
- Honoré A.M. 1968. Social justice // Essays in legal philosophy / Ed. by R.S. Summers. Berkeley ; Los Angeles : Univ. of California Press. P. 61-94.
- Huber E.R. 1965. Nationalstaat und verfassungsstaat. Studien zur geschichte der modernen staatsidee. Stuttgart : Kohlhammer. 293 p.
- Jellinek G. 2011. System der subjektiven öffentlichen rechte. Tübingen : Mohr Siebeck. 366 p.
- Jhering R. von 1913. Law as a means to an end. Boston : The Boston Book Company. 483 p.
- Kelly D. 2004. Revisiting the rights of man: Georg Jellinek on rights and the State // Law and history review. Vol. 22, iss. 3. P. 493-529.
- Kersten J. 2021. The normative power of the factual: Georg Jellinek's phenomenological theory of reflective legal positivism // The Cambridge companion to legal positivism / Ed. by T. Spaak, P. Mindus. Cambridge : Cambridge Univ. Press. P. 248-271. DOI 10.1017/9781108636377.011.
- Kurzman Ch. 2008. Democracy denied, 1905–1915. Intellectuals and the fate of democracy. Cambridge : Harvard Univ. Press. 404 p.
- Lepsius O. 2019. Georg Jellinek's Theory of the Two Sides of the State // The normative force of the factual: legal philosophy between is and ought / Ed. by F. Schauer, C. Bezemek and N.B. Ladavac. Springer. P. 5-28.
- Menger A. 1891. Das Recht auf den vollen Arbeitsertrag in geschichtlicher Darstellung. Stuttgart : J.G. Cotta. 178 p.
- Moniz Bandeira E. 2017. China and the political upheavals in Russia, the Ottoman Empire, and Persia: non-western influences on constitutional thinking in late imperial China, 1893–1911 // The Journal of Transcultural studies. Vol. 8, iss. 2. P. 40-78. DOI 10.17885/heiup.ts.2017.2.23701.
- Rosenberg W.G. 2019. Liberals in the Russian revolution: the constitutional democratic party, 1917–1921. Princeton : Princeton Univ. Press. 560 p.
- Shelokhaev V.V. 2004. The liberal reform model in early twentieth-century Russia // Russian studies in history. Vol. 42, iss. 4. P. 29-37. DOI 10.1080/10611983.2004.11060996.
- Sohrabi N. 1995. Historicizing revolutions: constitutional revolutions in Ottoman Empire, Iran, and Russia, 1905–1908 // American journal of sociology. Vol. 100, iss. 6. P. 1383–1447.
- Tissier M. 2007. Malaise dans la culture juridique libérale en Russie après 1905: “pédagogie des libertés” et éducation au droit // Cahiers du Monde russe. Vol. 48, iss. 2-3. P. 185-208. DOI 10.4000/monderusse.8995.
- Treadgold D.W. 1951. The constitutional democrats and the Russian liberal tradition // American Slavic and East European review. Vol. 10, iss. 2. P. 85-94. DOI 10.2307/2491544.
- Tumanova A. 2016. The liberal doctrine of civil rights in late imperial Russia // Cahiers du Monde russe. Vol. 57, iss. 4. P. 791-818. DOI 10.4000/monderusse.9990.
- Walicki A. 1987. Legal philosophies of Russian liberalism. New York : Clarendon Press of Oxford Univ. Press, 477 p.

References

- Chamberlin W.H. The short life of Russian liberalism, *The Russian review*, 1967, vol. 26, iss. 2, pp. 144-152.

Claeys G. Socialism and the language of rights: the origins and implications of economic rights, *P. Slotte, M. Halme-Tuomisaari (eds.) Revisiting the origins of human rights*, Cambridge, Cambridge Univ. Press, 2015, pp. 206-236.

Duguit L. *Social law, individual law and the transformation of the state: Lectures given at the School of advanced social studies*, Paris, Éd. Félix Alcan, 1908, 154 p. (in French).

Duguit L. *Handbook of constitutional law*, Paris, Éditions Panthéon-Assas, 2007, 605 p. (in French).

Hamburg G.M. *Boris Chicherin & Early Russian liberalism, 1828–1866*, Stanford, Stanford Univ. Press, 1992, 443 p.

Hayek F.A. *Law, legislation and liberty: a new statement of the liberal principles of justice and political economy*, London, Routledge, 2012, 584 p.

Hofmann H. From Jhering to Radbruch: On the Logic of Traditional Legal Concepts to the Social Theories of Law to the Renewal of Legal Idealism : Ch. 8, *E. Pattaro, D. Canale, P. Grossi, H. Hofmann, P. Riley (eds.) A Treatise of Legal Philosophy and General Jurisprudence*, Dordrecht, Springer, 2009, pp. 301-354. DOI 10.1007/978-90-481-2964-5_8.

Honoré A.M. Social justice, *R.S. Summers (ed.) Essays in legal philosophy*, Berkeley, Los Angeles, Univ. of California Press, 1968, pp. 61-94.

Huber E.R. *Nation-state and constitutional state. Studies on the history of the modern idea of the state*, Stuttgart, Kohlhammer, 1965, 293 p. (in German).

Jellinek G. *System of subjective public rights*, Tübingen, Mohr Siebeck, 2011, 366 p. (in German).

Jhering R. von. *Law as a means to an end*, Boston, The Boston Book Company, 1913, 483 p.

Kant I. *Metaphysics of Morals, Kant I. Sobranie sochineniy : v 8 t.*, Moscow, Choro, 1994, vol. 6, pp. 224-567. (in Russ.).

Kistyakovskiy B.A. *Selected works, in 2 pt. Pt. 1*, Moscow, ROSSPEN, 2010, 374 p. (in Russ.).

Kovalevskiy M.M. *Vzaimootnoshenie svobody i obshchestvennoy solidarnosti, N. Kazakova (comp.) Vekhi; Intelligentiya v Rossii : sb. statey. 1909–1910*, Moscow, Molodaya gvardiya, 1991, pp. 269-294. (in Russ.).

Korkunov N.M. *Lectures on the general theory of law*, Moscow, ROSSPEN, 2010, 520 p. (in Russ.).

Kotlyarevskiy S.A. *Constitutional state; Legal prerequisites of Russian basic laws*, Moscow, MGU im. M.V. Lomonosova, 2004, 392 p. (in Russ.).

Kelly D. Revisiting the rights of man: Georg Jellinek on rights and the State, *Law and history review*, 2004, vol. 22, iss. 3, pp. 493-529.

Kersten J. The normative power of the factual: Georg Jellinek's phenomenological theory of reflective legal positivism, *T. Spaak, P. Mindus (eds.) The Cambridge companion to legal positivism*, Cambridge, Cambridge Univ. Press, 2021, pp. 248-271. DOI 10.1017/9781108636377.011.

Kurzman Ch. *Democracy denied, 1905–1915. Intellectuals and the fate of democracy*, Cambridge, Harvard Univ. Press, 2008, 404 p.

Lepsius O. Georg Jellinek's Theory of the Two Sides of the State, *F. Schauer, C. Bezemek, N.B. Ladavac (eds.) The normative force of the factual: legal philosophy between is and ought*, Springer, 2019, pp. 5-28.

Menger A. *The right to the full income from work in historical presentation*, Stuttgart, J.G. Cotta, 1891, 178 p. (in German).

Moniz Bandeira E. China and the political upheavals in Russia, the Ottoman Empire, and Persia: non-western influences on constitutional thinking in late imperial China,

1893–1911, *The Journal of Transcultural studies*, 2017, vol. 8, iss. 2, pp. 40-78. DOI 10.17885/heiup.ts.2017.2.23701.

Muromtsev S.A. *Selected works on Roman and civil law*, Moscow, TsentrYurInfoR, 2004, 765 p. (in Russ.).

Novgorodtsev P.I. *On the right to exist : Socio-philosophical Studies by P.I. Novgorodtsev and I.A. Pokrovsky*, St. Petersburg, Moscow, Tovarishchestvo M.O. Vol'f, 1911, 48 p. (in Russ.).

Rosenberg W.G. *Liberals in the Russian revolution: the constitutional democratic party, 1917–1921*, Princeton, Princeton Univ. Press, 2019, 560 p.

Shelokhaev V.V. The liberal reform model in early twentieth-century Russia, *Russian studies in history*, 2004, vol. 42, iss. 4, pp. 29-37. DOI 10.1080/10611983.2004.11060996.

Shershenevich G.F. *Selected works, in 6 vol., Vol. 4*, Moscow, Statut, 2016, 752 p. (in Russ.).

Sohrabi N. Historicizing revolutions: constitutional revolutions in Ottoman Empire, Iran, and Russia, 1905–1908, *American journal of sociology*, 1995, vol. 100, iss. 6, pp. 1383–1447.

Solovyov V.S. *Justification of goodness*, Moscow, Institut russkoy tsivilizatsii, Algoritm, 2012, 656 p. (in Russ.).

Taranovsky F.V. *Encyclopedia of Law*, 2nd ed., corr. and augm., Berlin, Slovo, 1923, 439 p. (in Russ.).

Tissier M. Malaise in the liberal legal culture in Russia after 1905: “pedagogy of freedoms” and education in law, *Cahiers du Monde russe*, 2007, vol. 48, iss. 2-3, pp. 185–208. DOI 10.4000/monderusse.8995.

Treadgold D.W. The constitutional democrats and the Russian liberal tradition, *American Slavic and East European review*, 1951, vol. 10, iss. 2, pp. 85-94. DOI 10.2307/2491544.

Tumanova A. The liberal doctrine of civil rights in late imperial Russia, *Cahiers du Monde russe*, 2016, vol. 57, iss. 4, pp. 791-818. DOI 10.4000/monderusse.9990.

Walicki A. *Legal philosophies of Russian liberalism*, New York, Clarendon Press of Oxford Univ. Press, 1987, 477 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Татьяна Владимировна Сухобок

Аспирант кафедры теории и истории права и государства; истории учений о праве и государстве Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта, г. Калининград, Россия;
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7484-8157>;
ResearcherID: AGQ-6034-2022;
E-mail: sukhobok94@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tatyana V. Sukhobok

Postgraduate student of the Department of Theory and History of Law and State; History of the Teachings of Law and State of the Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia;
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7484-8157>;
ResearcherID: AGQ-6034-2022;
E-mail: sukhobok94@mail.ru